

МИЛораДОВИЧ К. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МИЛораДОВИЧ Ксения Михайловна, родилась в 1882 (отец, дворянин, скончался до революции; мать Милорадович Надежда Александровна)¹. В 1906 — окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге (ВЖК), с 1909 — писмоводительница, с 1910 — помощница библиотекаря в библиотеке Высших женских курсов. Автор нескольких статей и переводов по философии. Член секции научных работников. С 1919 — преподаватель философии на философском отделении ФОН университета, с ноября 1925— работала в библиотеке Петроградского университета. 24 января 1927 — арестована и заключена в тюрьму².

В апреле 1927 — Мария Аркадьевна Степанюк, член Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, передала в Помполит свое ходатайство за Ксению Михайловну Милорадович.

<19 апреля 1927>

«Знаю Ксению Михайловну Милорадович с самого раннего детства. Характерной чертой ее внутреннего облика была глубокая жалость ко всему живому, с этим чувством она всегда боролась, иначе не могла бы жить. Помню ее курсисткой, хлопчущей о каких-то товарках, помню, как ее продержали полгода в тюрьме за нелегальную литературу, которую, не спросив ее разрешения, послали на ее адрес. Держали ее так долго только потому, что она наотрез отказалась назвать кого бы то ни было. И, боясь кому-нибудь причинить хоть малейшее беспокойство, никогда не сможет органически о ком говорить.

Как только меня выпустили из каторжной тюрьмы на поселение, К<сения> М<ихайловна> мигом прискакала ко мне, не думая о том, что она может навредить себе этим компрометирующим знакомством. Всегда любовалась ею, как человеком, в жизни не способным никого эксплуатировать, быть неравной с кем бы то ни было, ушедшей целиком в мир философии и упорного труда.

Мария Аркадьевна Беневская, по мужу Степанюк, член О<бщест>ва б<ывших> политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

19-е апр<еля> 1927 г<ода>»³.

13 сентября Ксения Михайловна Милорадович сообщила Михаилу Львовичу Винаверу адрес своей матери в Ленинграде.

<13 сентября 1927>

«Многоуважаемый Михаил Львович

Не хочу беспокоить Вас лишний раз и потому позвольте сообщить Вам адрес моей матери, по которому можно сообщать все, что должно дойти до меня.

Ленинград, Вас<ильевский> Остр<ов>, 19 лин<ия>, д<ом> 8, кв. 24. Надежда Александровна Милорадович.

Всякая новость, меня касающаяся, для нее еще важнее, чем для меня.

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. — Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 167. С. 377-379.

И. Флиге, А. Даниэль. "Дело А. А. Мейера". СПб.: "Звезда", 2006. С. 202.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 170. С. 16. Автограф.

А затем, еще раз от души благодарю Вас за доброе желание меня выручить и за все то, что Вы уже сделали для меня и для всех тех, кто был связан в этом деле со мною.

Очень, очень надеюсь, что Вы не забудете обо мне и дальше и дадите мне возможность вернуться из ссылки поскорее, пока у меня дома не случилось несчастья. По видимому, мне не на кого надеяться, кроме Вас.

С искренним уважением и благодарностью
К. Милорадович»⁴.

В сентябре 1927 — к Михаилу Львович Винаверу обратилась за помощью Надежда Александровна Милорадович, мать Ксении.

<16 сентября 1927>

«Глубокоуважаемый Михаил Львович.

Простите, что беспокою Вас, но знаю спасенных Вами, знаю, сколько добра Вы делаете, сделайте еще одно великое добро, верните мне дочь, умоляю Вас. В моем преклонном возрасте при болезни сердца не вынести мне разлуки с ней, она ведь у меня одна на свете, все мое счастье и поддержка.

Дело, по кот<орому> она была привлечена — затеяно было без всякого злого умысла, что у Вас доказано освобождением всех участников, почему же пострадала одна моя дочь? Брошюрка же, ставящаяся ей в вину, — за давностью лет — потеряла всякое значение. А тогда в 18-м году была еще борьба, писали многие более сильно, как, напр<имер>, Горький. Что тогда это не ставилось в вину — доказывает эта самая брошюра, напечатанная совершенно легально, с именем на обложке. Позвольте мне надеяться на Ваше участие к несчастной, очень несчастной матери, спасти нас обеих.

Искренне уважающая Вас
Н. А. Милорадович

Ленинград, В<асильевский> О<стров>, 19 л<иния>, д<ом> 8, кв. 24»⁵.

20 сентября и 18 октября 1927 — Ксения Михайловна Милорадович вновь просила помощи М. Л. Винавера.

«1927 20/XI

Многоуважаемый Михаил Львович

Простите, что беспокою Вас, не дождавшись от Вас ответа, но уж очень мне важно знать: могу ли я надеяться на что-нибудь или уже все для меня кончено? Будьте так добры, скажите что-нибудь хоть на словах моей знакомой, потому что, не зная своей судьбы, я совершенно не знаю, что мне делать и как себя вести дальше.

Сердечно благодарю Вас за хлопоты
К. Милорадович.

Саратов, уг<ол> Б<ольшой> Садовой и Нижней, д<ом> 219/212, Борзова»⁶.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 170. С. 11-12. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 170. С. 6-7. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 170. С. 10. Автограф.

<18 октября 1927>

«Многоуважаемый Михаил Львович!

Очень прошу Вас простить мне, что Вас беспокою. Я знаю, как Вы заняты. Но мне нужно позаботиться о моей матери, которая болеет и живет в непрерывной тревоге, а потому, пожалуйста, не откажите ответить мне: есть ли для меня какая-нибудь надежда вернуться из ссылки?

Я знаю, это Вы были так добры, что дали некоторую надежду моей матери, но это было уже месяц назад, а с тех пор могло быть что-нибудь новое.

Простите еще раз и не откажитесь исполнить мою просьбу.

С искренним уважением и благодарностью

К. Милорадович

Адрес: Саратов, уг<ол> Б<ольшой> Садовой и Нижней, д<ом> № 219/212. Борзова Ксения Михайловна, Милорадович»⁷.

24 октября 1927 — Ксения Михайловна Милорадович была освобождена с ограничением проживания (-6). Поселилась в Саратове. В апреле 1928 — вновь обратилась за помощью к М. Л. Винаверу.

<22 апреля 1928>

«Многоуважаемый Михаил Львович

Не могу ли я еще раз обратиться к Вам и Вашему обществу с просьбой похлопотать о том, чтобы мне разрешили к осени переехать в г<ород> Грозный, чего мне не могут разрешить местные власти. Я ведь выслана сюда без прикрепления, а между тем здесь, в университетском городе, сколько угодно лиц с высшим образованием и очень мало возможностей заработать. В Грозном же, как мне пишут, есть нужда в интеллигентных работниках, и я могла бы рассчитывать на работу. Будьте так добры, Михаил Львович, помочь мне в этом, раз уж Вашему обществу не удалось помочь мне освободиться.

Буду сердечно благодарна за помощь.

Искренно уважающая Вас К. Милорадович.

Саратов, Приютская, 84.

Прилагаю официальное заявление»⁸.

«В Общество Помощи Политическим <заключенным>

Высланной в Саратов Ксении
Михайловны Милорадович

Заявление

Очень прошу Общество ходатайствовать о разрешении мне к осени выехать в г<ород> Грозный, где, как мне известно, есть нужда в интеллигентных работниках, тогда как здесь, в Саратове, нет никакого заработка, и мне с матерью прожить очень трудно.

К. Милорадович

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 170. С. 2. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 247. С. 116. Автограф.

11/IV-1928 г<ода>.
Саратов, Приютская, 84»⁹.

Разрешения на переезд Ксения Михайловна не получила, пришлось остаться в Саратове. В августе 1930 — она вновь обратилась к М.Л. Винаверу.

<12 августа 1930>

«Многоуважаемый Михаил Львович!

Я уже писала Вам один раз, но, говорят, что мое письмо к Вам не дошло. Очень прошу Вас еще раз принять участие в моей участи. Дело в том, что срок моей высылки в Саратов кончился 9-го июля, а, между тем, с тех пор прошло уже больше месяца, но я не получаю ни приглашения явиться за своим освобождением, ни ответа на мои неоднократные вопросы. Не знаю, сколько времени меня продержат здесь сверх срока, и чем вызвана такая задержка.

Обращаюсь еще раз к посредству Вашего Общества, будьте так добры, наведите справку и известите меня: когда же, наконец, я могу считать себя свободной? Три года я ждала терпеливо, хотя мое бесправное положение не давало мне возможность даже зарабатывать как следует; теперь же, мне кажется, я прошу о том, что принадлежит мне по праву.

Простите за беспокойство.

Искренне, уважающая Вас К. Милорадович.

Саратов, Приютская, 84»¹⁰.

В сентябре 1930 — Ксения Михайловна была освобождена и вернулась в Ленинград, работала библиографом в Публичной библиотеке. 23 марта 1935 — выслана с матерью в Куйбышев на 5 лет¹¹, затем переведена на станцию Зубчаниновка Златоустовской железной дороги¹².

29 апреля 1936 — Ксения Михайловна была арестована и заключена в тюрьму. В ноябре 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<1 ноября 1936>

1936 1/XI. Ардатов. Тюрьма.

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Мне не раз уже приходилось обращаться к Вам и Вашему обществу за помощью, и всегда я получала внимательный ответ. Теперь, попав в новую беду, опять обращаюсь к Вам. Вот краткая история моих злоключений. В марте 1935 г<ода> я была выслана вместе со старушкой матерью из Ленинграда в Куйбышев, где жила в поселке "Зубчаниновка". Я усердно искала работы, и даже обращалась по этому поводу к Вашему заступничеству, но на работу меня не принимали, как высланную. 29-го апреля 1936 г<ода> я была совершенно неожиданно арестована и поставлена во главе несуществующей контрреволюц<ионной>

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 247. С. 117. Автограф.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 487. С. 346. Автограф.

¹¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

¹² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1395. С. 214, 220-225.

группировки. При этом обвинение связало меня с людьми (из Ленинграда), которых я едва знала и которым вовсе не симпатизировала. Около половины из этих людей (Кологривова, Быкова, Джевало — последнюю я знала больше, т<ак> к<ак> жила с нею в одной квартире) в течение следствия пришлось отпустить, т<ак> к<ак> даже следствие — очень придирчивое — убедилось, что никакой связи с этими у меня не было. Но трех оставшихся, т<о> е<сть> Розен, отца и сына, и Кологривову Е. П. — нашли возможным судить вместе со мною уже не за группировку, а за к<онтр>р<еволюционные> разговоры, несмотря на то, что с младшим Розен я не разговаривала никогда, с Кологривовой разговаривала раза 3 на бытовые темы, а разговор со стариком Розеном, происшедший при первом случайном знакомстве с ним, совсем не носил того характера, который ему был приписан. На суде обнаружилась странная картина: оба Розена заявили, что показания, данные ими на предварительном следствии, были ложны и вынуждены. Кологривова также утверждает, что одно из показаний подписала под угрозой. Однако только мне не пришлось отказываться от показанного на следствии, т<ак> к<ак> я показывала только то, что считала справедливым. Несмотря на то, что младший Розен был по суду оправдан, что отсутствие связи между мной и Кологривовой было доказано совершенно определенно, что ни один свидетель не доказывает контрреволюционности моих разговоров с Розеном старшим, суд только на основании факта нахождения у меня моей старой брошюры "Черная критика", напечатанной в 1918 г<оду> и давно известной Ленинградскому НКВД, а также на основании рукописной сказки, написанной также очень давно (еще старой орфографией) и которой можно придать к<онтр>р<еволюционное> толкование — нашел возможным приговорить меня к 6 годам лишения свободы и 5 г<одам> поражения в правах, т<о> е<сть> к 11 летнему наказанию. Я подала кассационную жалобу, копию которой Вам посылаю и, если Вы найдете возможным, сделать что-нибудь в мою пользу, буду Вам глубоко благодарна. Но главная моя просьба заключается не в этом.

Дело в том, что главный интерес моей жизни заключается в философской литературной работе, и у меня при обыске был отобран ворох бумаг, никакого отношения к политике не имеющих. Между ними я особенно дорожу старыми философскими работами, а также последней, написанной на пишущей машинке в 2-х экз<емплярах>. Кроме того у меня были взяты: 1) копия трудового списка, 2) паспорт, 3) свидетельство об окончании б<ывших> Петербургских Высших Женских Курсов, 4) несколько документов (Ленинградского Университета, Академии Наук и др<угие>) о работе в качестве библиотекаря в этих учреждениях, 5) профсоюзный билет, 6) билет членский Секции Научн<ых> Работников. Взято было и многое другое, напр<имер>, рассказы мемуарного характера.

Будучи осуждена на 6 лет лишения свободы, я не имею возможности взять эти драгоценные для меня бумаги и документы в свои руки, и обращаюсь к Вам и в общ<ество> Красного Креста с большой просьбой: не может ли Ваше общество востребовать эти бумаги из Куйбышевского НКВД и сохранить их у себя до тех пор, пока я буду иметь возможность распоряжаться ими? Если же это невозможно, то не могу ли я получить какую-нибудь гарантию в сохранности этих бумаг в течение нескольких лет.

Судьба этих бумаг меня очень беспокоит, и я прошу Вас, Екатерина Павловна, не отказать мне, взять их по свое покровительству.

До ответа на кассационную жалобу я нахожусь в Ардатовской тюрьме.

С искренним уважением и надеждой на Вашу помощь.

К. Милорадович.

Позвольте Вас еще попросить: нет ли возможности получить право ехать в лагеря, которых, вероятно, мне не миновать, не этапным порядком, а с литерой на проезд? Для меня это имеет громадное значение, потому что дало бы мне возможность взять с собою старушку мать, которая всюду поедет за мною, т<ак> к<ак> без меня погибнет. Будьте так добры, помогите нам в этом. Этапные условия очень тяжелы, а я очень ослабела»¹³.

7 апреля 1937 — Ксения Михайловна Милорадович была приговорена к 6 годам ИТЛ и поражения в правах на 5 лет и отправлена в Ардатовскую тюрьму¹⁴; в ноябре 1937 — находилась там же¹⁵.

¹³ ГАРФ. Ф. Р- 8409. Оп. 1. Д. 1504. С. 86-88. Автограф.

¹⁴ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р- 8409. Оп. 1. Д. 1570. С. 137, 140.